

КРИЗИС ИДЕОЛОГИИ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Б.Д. Голованов

После краха советского политического режима и падения авторитета марксистской идеологии среди социологов, философов, политологов стран СНГ особой популярностью стала пользоваться идея «смерти идеологии». Эта идея как нельзя лучше отражала атмосферу растерянности и распада, охватившую все постсоветское пространство. Завершая логику распада марксистского учения, «смерть идеологии» из академической доктрины на Западе превратилась в кошмарную реальность на Востоке.

На постсоветском политическом пространстве разрушение идеологического каркаса общественного сознания вышло далеко за рамки теоретических дискуссий и ощущалось как разрушение экзистенциальных основ общественной жизни. Катастрофичность перестроечных трансформаций была обусловлена моноидеологичностью советского общества. Это общество в отличие от западного, где упадок одной политической доктрины компенсируется экспансией других, не имело иных идеологических альтернатив, кроме советского марксизма.

Крушение советской политической системы привело к тому, что образовавшийся идеологический вакуум стал быстро заполняться многочисленными литературными публикациями, содержание которых было сугубо конъюнктурным, без претензий на глубину теоретического анализа. Поток эмпирических исследований на идеологические темы породил облегченные теоретические конструкции, удовлетворявшие сиюминутным запросам новоявленных политических движений. Такая установка прикладных социологических исследований в качестве своего оправдания породила концепцию «идеологии на один день»

[7], что вполне соответствовало колебаниям общественного мнения в постсоветских странах.

Постсоветское обществознание лихорадочно искало точку опоры в своих исследованиях общественного сознания и духовной жизни общества. В дискуссиях по актуальным социально-политическим проблемам широко использовались западные концептуальные решения. Рыночное сознание, распространившееся, словно чума, в постсоветской философии и социологии, породило иллюзию легкого решения идеологических коллизий посредством внешних заимствований.

Социальные науки в условиях жесточайшего кризиса были склонны перенимать выросшие на западной почве научные методики, политические технологии, социальные теории и т. д. Постсоветская наука 90-х годов пошла по пути наименьшего сопротивления и пыталась транслировать многочисленные западные концепции идеологии на постсоветское пространство. Одни из них были так или иначе связаны с марксизмом (Т. Ойзерман, А. Зиновьев), другие (А. Соловьев, О. Малинова, А. Тузиков) опирались на идеи, выходящие за пределы марксистского видения мира.

Переход от монополии официальной идеологии к плюрализму идей породил плюрализм методологических подходов в исследовании общественного сознания. Материалистическая диалектика оказалась лишь одним из многих философских методов исследования «идеологического устройства» духовной жизни общества. Представители новых методологических подходов полагали, что критика идеологии должна идти по пути «переоценки роли идеологической детерминации во властных отношениях» [8, с. 5]. Иными словами, предлагалось радикально ревизовать методологический потенциал концепта идеологии. На смену ему должны были прийти иные понятия и иные методологические принципы, с помощью которых, по мнению их адептов, можно будет адекватно воссоздать процессы, происходящие в духовной сфере постсоветского общества.

Со временем обнаружилось, что понятие идеологии сложно заменить какой-либо иной социологической или культурологической категорией, поскольку его содержание не исчерпывается какой-то одной научной дисциплиной, в нем органично уживаются антропологический, социологический, аксиологический и другие аспекты. В западной литературе эта сторона концепта идеологии была исследована К. Мангеймом, введшим общее, тотальное и частное понятия идеологии, которые при тождестве гносеологического содержания отличались способами его организации. В отличие от частного понятия иде-

ологии общее понятие высвечивало совершенно иной уровень понимания проблемы. Оно указывало на то, что ни одно человеческое мышление не свободно от идеологизирующего влияния социальных условий. После исследований К. Мангейма стало ясно, что факторы социально-политического бытия не являются нейтральными по отношению к культивируемым философским подходам. Процедуры абстрагирования, принятые в научном познании, на уровне методологических принципов исследования закладывают концептуальную дискриминацию тех или иных явлений общественной жизни.

В ситуации постсоветского идейного плюрализма и конкуренции методологических подходов постепенно приходит понимание, что концепт идеологии, берется ли он в позитивном или критическом аспектах, выступает отправным пунктом для всех дальнейших исследований общественного сознания. На сегодняшний день это понятие наиболее полно схватывает зависимость мышления от социально-политических реалий.

Применительно к постсоветской ситуации диалектика общего и партикулярного понятий идеологии указывает на то, что новые концепты, предложенные для описания духовной ситуации постсоветского общества (политическая культура, публичная сфера, символический универсум и т. д.), гипостазируют отдельные структуры духовной жизни общества и по существу являются идеологическими. Каждый из предлагаемых методологических подходов страдает идеологической односторонностью, которая неизбежно ведет к тому, что энергия сознания, упускаемая в рамках того или иного методологического подхода, концентрируется в пространстве коллективного бессознательного. Такое вынужденное «пренебрежение» «отомстит» новым концептам идеологии тем, что игнорируемые факты не войдут в систему и будут создавать оппозицию извне, из пространства коллективного бессознательного. Карл Мангейм, исследуя содержание общего понятия идеологии, писал: «Оппозиция такого рода самая страшная и губительная из всех оппозиций, ибо ничто с такой силой не опровергает систему как её неспособность овладеть фактами, очевидными для современников данной эпохи» [5, с. 364]. В данном случае на поверхность выступают ноологические, общечеловеческие границы абстрагирования и в этом смысле мы можем говорить об универсальности идеологии.

Одним из новых направлений в исследовании идеологических явлений стала их культурологическая интерпретация. Методологически это направление связано с социально-философскими доктринами, успешно разрабатывавшимися на Западе в русле герменевтики и постструк-

ктурализма. Пространство политической жизни, находившееся до сих пор в нераздельной собственности категории «идеология», предлагается описать и реконструировать с помощью таких понятий как «политическая культура», «символический универсум» и т. д. Стараясь осмыслить опыт постсоветского развития, адепты этого подхода выдвигают тезис об «исторической маргинализации идеологии». Делаются далеко идущие предположения, что «на данный момент её возможности ограничены лишь частичной трансляцией интересов граждан» [8, с. 17], что для основных акторов политического действия идеология из атрибута «превращается в необходимый, но не слишком полезный антураж» [3, с. 98].

Принцип символизации, образующий стержень культурологического подхода, нацелен на разрешение фундаментального противоречия, в котором как в заколдованном круге вращалась философия советского марксизма и из которого она пыталась выйти с помощью понятия «научная идеология». Суть этого противоречия заключалась в том, что, с одной стороны, советские марксисты исповедовали принцип отражения и неискаженного воспроизведения объективной реальности. По мнению сторонников ленинской теории отражения, марксистская идеология, становясь все более и более научной, все более полно и неискаженно воспроизводила социалистическую реальность как на уровне научного познания, так и в сознании народных масс. С другой стороны, марксистская идеология изначально выступает как движущая сила революционной практики, которая не только отражает, но творит мир. В этом аспекте идеология выступает как социальная сила, которая аккумулирует мотивационную энергию социальных субъектов. Советский марксизм до своих последних дней так и не мог найти удовлетворительное решение дихотомии науки и идеологии. Практически все критики советского марксизма как западные, так и постсоветские опирались на указанный разрыв между наукой и идеологией. Многие из них, предлагая новые пути модернизации и очищения социальной теории, указывали, как на первородный грех, на связь марксистской теории с классовым сознанием и идеологией (см.: [6]).

Культурологический подход рассматривает идеологию как разновидность процедуры символизации. Данный подход приравнивает символ к научному факту, и на основе этого отождествления конституирует духовную (символическую) реальность. В отличие от иных реальностей, физической, экономической, правовой, повседневной и т. д., эта реальность получает атрибут универсальности и превращается в символический универсум, в рамках которого находят свое разрешение

все дилеммы современного мышления. Символ в отличие от научной теории и идеологической установки обладает непосредственным единством выражения и отражения, он не только объективно воспроизводит реальность, но органически преобразует её в соответствии с интенциями человеческого сознания. Символические формы, согласно учению, восходящему к трудам Э. Кассирера, очерчивают (одновременно отображают и создают) границы нашего мира и первичной реальности. Они подчинены «универсальному структурному закону» человеческого духа. Миры символических форм выступают как «предлогические структуры», априорно определяющие человеческие понятия о мире и истории. Если Кант указывал на рассудок, нуждающийся в образах, то Кассирер указывал на то, что теоретический разум нуждается в символах не только как в своих орудиях, но и как в своих подпорках. За символическими формами виднеется «последний, первичный слой реальности» — реальности, которая достигается лишь «означающим трансцендированием», отличным от причинной связи между объектом и субъектом, а тем более от отражения объекта сознанием» (цит. по: [2, с. 95]). Символы выступают в качестве медиаторов и универсального языка индивидуальных миров. В символических формах индивидуальность «обладает тем, что в мыслях кажется невозможным» [10, с. 139]. Идеология с этих позиций представляет более «жесткий» слой общественного сознания, лишенный достаточной пластичности и выразительности. По мнению Соловьева, одного из современных адептов символического подхода, об ограниченности идеологии, основанной на рационально-логических формах мышления, свидетельствуют следующие факты:

1. «Низкая эффективность рационально-теоретических средств артикуляции гражданских интересов» [9, с. 33], что выражается в неспособности идеологии к обслуживанию спорадической политической активности граждан и в сложности институциональной структуры, поддерживающей идеологическое влияние в сфере политики.
2. Идеология как «способ рационально-логической интерпретации реальности» [9, с. 33] не способна постоянно поддерживать контакты индивида и государства.

Он полагает, что эти уязвимые пункты становятся очевидными не только для науки, но и для широкой общественности, когда та или

иная идеология объявляется официальной, государственной доктриной. В свое время христианская религия вынуждена была уступить свои социально-организующие функции идеологии. В современных условиях, полагают сторонники культурологического подхода, идеология уступает свои функции иным формам воздействия на сознание масс, таким как политическая рекламистика, масс-медиа и т. д.

Радикальность, с какой происходит отторжение понятия идеологии в работах постсоветских авторов, обусловлена тем, что основным материалом их исследований является трансформирующаяся советская реальность. Историческое разрушение этой реальности, разрушение её идеологической основы воспринимается как разрушение, смерть идеологии как таковой. Эта точка зрения фактически игнорирует тотальность идеологии и потенциальную идеологичность самой природы абстрактного мышления. Сужение содержания термина «идеология» до пространства логико-рациональных компонентов политического сознания вызвано тем, что до последнего времени идеология была представлена как идеология советского марксизма. Кредо советского марксизма состояло в истолковании коммунистической идеологии как подлинно научной и единственно верной. Иррациональные компоненты, обнаруживающиеся в политическом сознании советских граждан, советские идеологи относили на счет общественной психологии (коллективного бессознательного), которая не до конца освободилась от «родимых пятен капитализма».

На этапе постсоветского развития идеологии предъявляется претензия, что она, как исторически определенный тип программирования общественных отношений и «способ рационально-логической интерпретации реальности» [9, с. 33], не способна удовлетворить все потребности массового сознания. Рядовой обыватель не способен самостоятельно входить в пространство «рационально-логической реальности», он не способен сознательно соответствовать требованиям рационально-правового государства, поэтому современному государству необходимы структуры, типа масс-медиа, чтобы контролировать массового индивида на инстинктивных уровнях его отношения к действительности. Стремление к истине, поставившее науку на пьедестал современной цивилизации, отходит в сторону, уступая место «национальным» и иным интересам. Государство начинает использовать науку как метод идеологического давления, как технологию социального контроля. Наука в своей технологической ипостаси сама становится идеологией [4, с. 402].

Маргинализация идеологии обнаруживает проблему, поставленную

еще Кантом в его исследовании диалектики морального и обыденного сознания. Утверждение постсоветских философов о том, что идеология как инструмент осмысления политической реальности «минимизирует свое присутствие» и теряет свое влияние на общественное сознание, равносильно аргументированию того, что в эпоху трансформаций массового сознания происходит упадок общественной морали и уменьшается количество людей, следующих голосу собственной совести.

Распространение конъюнктурных и ситуативных форм поведения не умаляет, а даже усиливает значение форм сознательного поведения, без них невозможна позитивная структуризация духовной жизни общества. Именно в отсутствии идеологических императивов многие современные политологи и политики видят основной дефект публичной и государственной политики. В заявлениях современных политических лидеров остро ощущается тоска по эффективной идеологической доктрине, отсутствие которой вынужденно заполняется политическим маргинализмом и сиюминутными политтехнологиями. Недостаток вновь формируемых и реконструируемых идеологических форм порожден тем, что они с момента своего зарождения ориентированы на потребительскую, примитивно понятую социальную эффективность.

Постсоветские авторы относят идеологию к архаичным формам (наряду с мифом и религией), посредством которых осуществлялось сплочение социальных общностей. Они полагают, что в современном обществе достойную конкуренцию этим архаичным формам составляют иные «продвинутые способы выражения гражданских интересов» [9, с. 34]. С помощью этих форм общество переходит от идеологизации политики к её медиатизации и «по сути заново институционализирует механизмы представительства интересов граждан» [9, с. 34].

В этих рассуждениях происходит отождествление современности с постсоветской рыночностью. В такой однобокой трактовке современности чувствуется «идейное» давление постсоветской ситуации, в которой рыночные отношения составляют главное пространство и источник формирования общественной мысли. Вторжение стихии рынка в постсоветскую политику порождает новые формы символизации и интерпретации событий, но не следует забывать, что это порождение осуществляется на основе механизма товарного фетишизма. Социальная теория, игнорирующая товарный фетишизм, в конечном итоге уничтожает сам принцип научности, она перестает отличать видимость от сущности, она отождествляет уровень науки и обыденного сознания. «Рыночное» видение общественной жизни абстрагируется как от природы научного познания, так и от природы государства. Двига-

ясь в логике «рыночного» видения мира, нет нужды прибегать не только к идеологии, но и к научной теории. Для следования логике (идеологии) рынка достаточно «обыденного, в том числе внутренне противоречивого, несистематизированного запаса знаний и наблюдений (почерпнутого как из личного опыта, так и из желтой прессы)». «При этом главными требованиями к информации становятся оперативность, доступность и привлекательность сведений» [9, с. 35].

В трудах «рыночных» идеологов, рекламирующих новые способы осознания социальной реальности, мы сталкиваемся с методологическим отождествлением социальной сущности и видимости. Мнение обывателя, конституирующее слой повседневного сознания, провозглашается высшей реальностью сознания, на основе которой социум должен осмысливать перспективы своего развития. За сущность общественного сознания выдается процесс, который представляет самый поверхностный и примитивный слой сознательности. Суетливая логика мелкого торговца и потребительская удовлетворенность обывателя выдаются за верх совершенства и глубочайшее достижение политической мысли. Научному познанию в своих выводах предлагают не просто учитывать обывательские приоритеты, но превращать их в имманентные методологические принципы научного исследования.

С точки зрения культурологического подхода, еще одно отличие современного менталитета заключается в его чувственном характере. Современное общество остро нуждается в «бесконцептуальном потоке политики» [8, с. 19], тогда как идеология представляет «рационально-логическую (и даже системную) интерпретацию реальности» [9, с. 34].

На наш взгляд, чувственный, имиджевый характер новых форм самосознания указывает на то, что эти формы относятся к уровню массового сознания и имеют дело со слоями общественной психики, порожденными стихией рынка и формирующимися в соответствии с логикой товарного фетишизма. Здесь уместно сослаться на известного французского философа Ж. Бодрийера, который в ряде своих работ показал тотальную идеологизированность современной «культуры потребления». Он полагал, что в постиндустриальном обществе идеология не ограничивает свое влияние «надстройкой», она активно встраивается в процесс производства и потребления [1].

Новые идеологи в целях интеллектуального «массажа» (message) мозгов обывателей, не склонны говорить о социальных трансформациях по существу, их занимают проблемы «институционального дизайна» новых политических порядков. Отличие постсоветских политических исследований от исследований аналогичных проблем на За-

паде заключается в том, что среди последних преобладают те, кто рассматривает «дизайн» как идеологизированную видимость, тогда как среди постсоветских идеологов преобладают те, кто принимает «политический дизайн» за глубинную трансформацию общественного сознания.

Можно исследовать идеологию как культурный феномен, но нельзя абстрагироваться от встречного движения, превращения культуры в инструмент идеологии. В пространстве духовной жизни нет односторонней детерминации, влияние духовных феноменов обоюдное. Идеология, втягивая культуру в пространство политической борьбы, не просто использует процессы культуры в качестве инструментов социального давления, она превращает их в симулякры, в артефакты массовой культуры, в средства манипулирования сознанием. В этом смысле «смерть идеологии» — это универсальный симулякр, который подается как важнейший принцип современных исследований духовной жизни общества.

1 Литература

- [1] *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. — М., 2004.
- [2] *Буржуазная философия кануна и начала империализма.* — М., 1977.
- [3] *Малинова О.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // *Полис.* — 2001. — № 5. — С. 97-106.
- [4] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. — М., 2002.
- [5] *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени.* — М., 1994. — С. 7-276.
- [6] *Обсуждение книги Т.И. Ойзермана «Марксизм и утопизм»* // *Вопросы философии.* — 2004. — № 2. — С. 47-69.
- [7] *Попова И.М.* Повседневная идеология // *Социологический журнал.* — 1998. — № 3-4. — С. 5-24.
- [8] *Соловьев А.И.* Политическая идеология: логика исторической эволюции // *Полис.* — 2001. — № 2. — С. 5-21.

- [9] *Соловьев А.И.* Идеология и культура: политический дискурс современной эпохи // Политическая наука. — 2003. — № 4. — С. 32-44.
- [10] *Мартин Хайдеггер* — Эрнст Кассирер. Семинар // Фауст и Заратустра. — СПб., 2000. — С. 130-141.

Надійшла до редакції 26 лютого 2010 р.